

ИСТФАКТ

«У НАС ДВОЕ ТАЛАНТОВ —
ЛЕРМОНТОВ И ... МАРТЫНОВ»ВЫСТРЕЛ
У ПЕРКАЛЬСКОЙ СКАЛЫ

Александр РОДИН

ОТ ЦАРЯ ДО КАЗАКА

Проверялась очередная гипотеза, связанная с дуэлью Михаила Юрьевича Лермонтова. Авторы гипотезы, вопреки всем известным фактам, утверждали, что поэта убили не отставной майор кавалергардского полка Николай Мартынов, однокашник Лермонтова по юнкерской школе и однополчанин на Кавказской войне, а некий подсланный жандармами казак, стрелявший откуда-то сбоку. Доказать абсурдность выдумки не представляло труда, для этого не надо было измерять пробивную способность старинных пистолетов и проследить траекторию полета пули. Достаточно было и того, что сам Мартынов ни на суде, ни в годы отбывания ссылки в Киево-Печерской лавре, ни в старости никогда не отрицал своей вины.

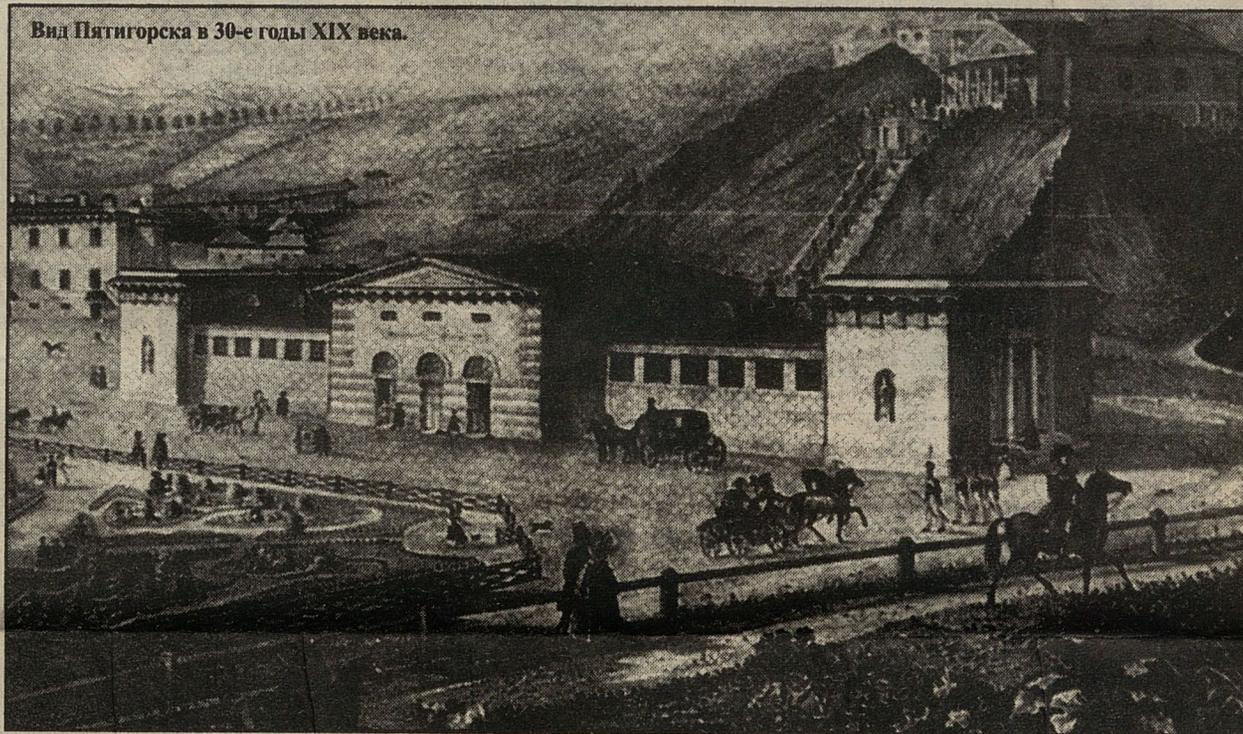
Но любителей придумывать различные версии лермонтовской дуэли всегда хватало. Некоторые, к примеру, доказывали, что прямым виновником убийства поэта является не кто иной, как сам царь: будто бы из Петербурга был загодя направлен в Пятигорск жандармский офицер, в задачу которого входило организовать кровопролитие. Нелепость этого варианта состояла, в частности, и в том, что Лермонтов попал в Пятигорск случайно; предписано было ехать в Шуру, но они с Лермонтовым бросили монету, которая упала решкой вверх, что по условиям игры означало — ехать в Пятигорск. Короче, придумывать легенды занятие зряшное.

И тем не менее, нерешенных вопросов, связанных с этой, состоявшейся 160 лет назад — 27 июля 1841 года — дуэлью, еще немало. И главный из них — вопрос об истинных причинах трагического для России события. Что могло заставить Мартынова, давнего знакомого и, можно утверждать, приятеля Лермонтова, потомственного русского дворянина, выстрелить в поэта?

СМЕЯЛИСЬ ВСЕ

Любят повторять, будто причиной гнева Мартынова, заставившей его «выйти на барьер», были насмешки Лермонтова. Насмешки действительно имели место, но в ту пору — и в юнкерской школе, и в полку, и на Кавказе, взаимное подтрунивание считалось обычным делом. Лермонтовское, к примеру, прозвище «Майошка» (считается, что оно связано с именем популярного тогда персонажа французской карикатуры «Мауеух», изображаемого в виде горбуна) было, конечно же, более обидным, нежели лермонтовское — «Мартышка». И эпиграммы тоже писали все. Так, однажды Мартынов, увидев на столе у Лермонтова ходивший тогда по Пятигорску рецепт некоего чудо-эликсира, взял в руки карандаш и нацарапал на обороте рецепта стишок: «Mon Cher Michel, оставь Адель, а нет сил пей эликсир, и вернется снова к тебе Реброва». Лермонтов, обнаружив сию надпись, нисколько не обиделся, рассмеялся и написал на том же рецепте: «Подлец, Мартышка!»

Другая, более, будто бы, основательная, версия заключалась в том, что меж-

Вид Пятигорска в 30-е годы XIX века.

Однажды в Эрмитаж пришла группа сотрудников солидного НИИ и попросила выдать им из Оружейной коллекции ценные дуэльные пистолеты немецкого мастера Кухенройтера для «следственного эксперимента». Получив пистолеты и подыскав подходящее место, ученые принялись стрелять, используя, как и полагалось в старину, черный дымный порох и свинцовые пули. Следственными экспериментами в наше время никого не удивишь, однако этот отличался тем, что был поставлен почти через полтора века после совершенного убийства.

ду Лермонтовым и Мартыновым существовала давняя вражда. Но и это не подтверждается фактами. Известно, что Лермонтов часто посещал дом Мартыновых, видели его и в ложе театра с этим семейством. В неоконченном лермонтовском романе о пугачевском бунте есть некоторые детали, взятые, похоже, из семейных преданий семьи Мартыновых, род которых пострадал от Пугачева — были там убитые, а тетка Мартынова игуменья Доротея пережила в молодости пугачевский плен. Близкие связи Лермонтова с этой семьей подтверждаются и тем, что родители Мартынова через Лермонтова передавали сыну, находившемуся на Кавказской линии, письма и деньги. А когда Лермонтов и Мартынов оба, случилось, бывали в Москве, то ездили вместе завтракать к Яру. Наконец, уже в Пятигорске, за неделю до трагической развязки, Лермонтов ночевал на квартире у Мартынова.

Но что же тогда? В чем причины дуэли?

«ГЕРЗЕЛЬ АУЛ»
И «ВАЛЕРИК»

Причины следует искать в характере Мартынова. Что говорят обычно по этому поводу? Мартынов — глупая, ничтожная, бездарная личность, поэт. Но если это так, то возникает вопрос: мог ли такой знаток человеческой природы, как Лермонтов, долгое время поддерживать приятельские отношения с подобной лично-

стью? И тут вспоминается характеристика, которую дал Мартынову сам Лермонтов: «Счастливей несчастливца!»

«Счастливей» — это понятно. Но почему «несчастливца»? Ведь Мартынов был богат, внешне привлекателен, неплохо пел, пользовался успехом у дам, его заслуги на войне отмечены наградами. Разве чего-нибудь не хватало Мартынову?

Да, не хватало! Мартынов, это известно, был очень тщеславен. Проявлялось это даже в мелочах. Когда в юнкерской школе кто-нибудь говорил, что в такой, скажем, мороз не найти смельчака, который отважится выйти из помещения, Мартынов тут же демонстративно сбрасывал с себя сюртук и выбегал на холод, после чего неделями валялся в жару. Но на самом деле честолюбивые запросы Мартынова шли дальше юношеской бравады.

Дело в том, что Мартынов пытался писать. Писал он и стихи, и прозу, и в юнкерской школе некоторые, случалось, говорили: «У нас двое талантов — Лермонтов и... Мартынов». Оставим на совести юнкеров слово «талант» по отношению к Мартынову и, тем более, упоминание его имени рядом с Лермонтовым. Достаточно сравнить на выборку хотя бы пару строк из поэмы Мартынова «Герзель Аул» со строками лермонтовского стихотворения «Валерик», написанных на одном и том же материале. Вот описание того, как плачут солдаты над

умирающим товарищем. «Больной в жару и трудно дышит, над ним рекрутик слезы льет...» — у Мартынова. А вот почти о том же у Лермонтова: «...мрачно, грубо казалось выраженье лиц. Но слезы капали с ресниц, покрытых пылью». Мартынов понимал, не мог не понимать (дворянская молодежь имела достаточную литературную подготовку), какая пропасть отделяет его писания от творений Лермонтова.

НА ДЕСЯТИ ШАГАХ

«Герзель Аул» написана в 1840 году, и в это же примерно время создан лермонтовский «Валерик». Сравнение оказалось для Мартынова убийственным. Дело усугублялось еще и тем, что в обоих произведениях, кроме одинаковых сюжетных ходов, встречаются еще и почти одинаковые фразы, которые просто невозможно было написать независимо друг от друга (например, «Простора нет воображенью» — у Лермонтова и «Воображенью дан простор» у Мартынова). Самолюбие Мартынова взвыло, в какой-то степени тут действовал синдром пушкинского Сальери. К этому примешивалась и обида на то, что Лермонтов никогда («не принимал его всерьез»). Раздражение стало перерастать в ненависть. Придравшись к пустяку, Мартынов вызвал Лермонтова на дуэль.

Место для дуэли у подошвы горы Машук, близ так называемой Перкальской скалы, было выбрано неудачно, почти на

самой дороге, идущей к тому же на подъем. Лермонтов стоял спиной к Машуку и как бы на возвышении, он держал пистолет дулом вверх, будто и не собираясь стрелять. Мартынов долго целился, хотя чего уж там было целиться «на десяти шагах», он все не решался сделать выстрел.

— Стреляйте, стреляйте, или я вас разведу! — послышался голос секунданта.

И Мартынов спустил курок.

ТАЙНИК В ТАРХАНАХ

Размышляя обо всем этом, знакомясь с множеством материалов, автор этих строк решил написать повесть, в которой, в беллетризированной, естественно, форме, попытался исследовать историю трагической дуэли. Повесть была написана как бы от имени самого Мартынова, который в старости решил откровенно рассказать о том, что произошло*.

Конечно, далеко не все в этой повести основано на документах, кое-что — результат логических и психологических построений. Но ход этих построений был, по-видимому, правильным, потому что многое из того, что было додумано, впоследствии подтвердилось данными из некоторых малоизвестных, не использованных при работе над повестью, источников. И уж совсем удивительный случай совпадения литературного материала с жизнью произошел при посещении лермонтовского музея в Тарханах.

Окончив повесть, я решил показать рукопись музейным специалистам. Директор музея милейшая Тамара Михайловна Мельникова прочла и в основном одобрила написанное. Уже закончив со мной разговор, она, похоже, хотела сказать еще о чем-то, но почему-то не решилась. Тут следует кое-что пояснить. Дело в том, что по тексту повести Мартынов хранил исповедальные записки в секретном ящичке своего бюро. Именно туда он успевает спрятать их, когда у него начинается сердечный приступ. Разумеется, сюжетный ход был придуман, на что имеет право любой автор.

И вот Тамара Михайловна, как будто отбросив сомнения, произнесла:

— Идемте, я покажу вам бюро, в котором Мартынов хранил свои записки!

У меня, как говорят нынешние молодые, отвисла челюсть.

Оказалось, что музей, воссоздавая интерьер тарханского имения, подобрал на подмосковном складе, где хранилась старая мебель из барских усадеб, подходящее по стилю бюро. А когда это бюро привезли в Тарханы, в нем обнаружили секретный ящичек, в котором лежали письма... семьи Мартыновых. Естественно, Тамаре Михайловне неудобно было признаться, что в лермонтовском доме находится вещь, принадлежавшая убийце Лермонтова. Но какие «сближения» — нарочно не придумаешь!

* Повесть вошла в книгу «Я убил Лермонтова. Исторические повести. Рассказы», была переиздана в Германии, по повести поставлен телевизионный фильм «Каинова печать»